

Н.Е. ТИХОНОВА

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (netichon@rambler.ru).

Аннотация. На данных ряда общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в статье охарактеризованы факторы сберегательного поведения россиян и динамика его изменения в 2003–2023 гг. Протестированы применительно к российским условиям некоторые классические концепции, объясняющие сберегательное поведение населения. Продемонстрировано, что в российском обществе их выводы оправдываются лишь частично. Показано, что на сменяющие друг друга внешние шоки разной природы последних лет представители массовых слоев населения реагировали в зависимости от характера этих шоков, а не только от их тяжести или ожидаемой длительности: на кризисы чисто экономической природы, в соответствии с классическими постулатами, россияне отвечали стремлением поддержать привычный уровень потребления за счет расходования сбережений, в случае же добавления к ним также геополитических рисков и увеличения в силу этого неопределенности будущего распространность сбережений и их размер резко росли даже при стагнации доходов. Готовность к формированию сбережений как таковых и наличие относительно крупных сбережений зависят в российских условиях от разных факторов микроуровня. Если для мелких сбережений не выявлено факторов микроуровня, оказывающих существенное влияние на их наличие, то в формировании сбережений, позволяющих прожить на них не менее двух месяцев, ключевую роль играют субъективные факторы, в частности готовность к долгосрочному планированию своей жизни, а также ощущение своей экономической и социальной успешности. При этом экономические факторы хотя и важны, но играют заметно меньшую роль, сказываясь в основном на размере сбережений.

Ключевые слова: сберегательное поведение населения • сберегательная активность • сберегательные стратегии • финансовое поведение • финансовые стратегии • доходы населения • материальное положение россиян

DOI: 10.31857/S013216250028533-9

Проблема особенностей сберегательного поведения населения и причин доминирования в нем тех или иных установок в отношении своих финансовых ресурсов уже более ста лет находится в фокусе внимания исследователей разных стран мира. В начале XX в. в условиях резкого роста благосостояния населения сберегательное поведение стало наиболее ярким индикатором экономического и социального благополучия граждан, представляя интерес как для акторов финансового рынка, так и для государства.

С тех пор было установлено, что сберегательное поведение представителей массовых слоев прямо зависит от изменяющихся внешних условий, которые, если говорить о российском обществе, неоднократно менялись в последние 15 лет под воздействием внешних шоков самой разной природы. Это и разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис, и вызванный обострением отношений с Западом после воссоединения Крыма с Россией экономический кризис 2014–2016 гг., и пандемия коронавируса 2020–2021 гг. с тяжелыми по своим экономическим и социальным последствиям локдаунами, и специальная военная операция (СВО) на Украине с сопутствующей ей санкционной

войной со стороны коллективного Запада. В этих условиях проблема динамики и факторов сберегательного поведения массовых слоев населения резко актуализировалась, особенно если учесть, что вопросы наличия в стране внутренних источников для инвестиций, а у ее граждан – определенного «запаса прочности», сейчас заметно обострились. Целью нашего исследования в этих условиях выступала не просто проверка того, как в условиях России сейчас «работают» различные концепции, объясняющие сберегательное поведение населения, но и оценка того, как на это поведение повлияли внешние шоки последних лет, в частности СВО на Украине.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования.

Традиция изучения сберегательного поведения сформировалась в своей классической (концепции Дж. Кейнса, Дж. Дьюзенберри, Ф. Модильяни, М. Фридмана) версии к началу 1970-х гг. От характерного для нее набора факторов сберегательного поведения мы и отталкивались в нашем исследовании. Значимости концепций этого периода способствовало также соответствие позднеиндустриальному периоду развития, который переживает в настоящее время и Россия. Учтены и более поздние концепции сберегательного поведения населения. Так, один из основоположников экономической психологии Дж. Катона [Katona, 1975] обратил внимание на то, что настроения и планы людей играют важную роль в формировании их сберегательного поведения, и предложил разделять сбережения на те, которые люди сами считают сбережениями и формируют их именно в качестве таковых, и на средства, оставшиеся после трат на текущее потребление, которые не воспринимаются ими в качестве таковых. Эти виды сбережений отличаются по мотивации их формирования и готовности к их использованию. При ситуационном снижении доходов индивиды и домохозяйства будут стремиться сохранить привычный уровень жизни, в том числе за счет кредитов, но ожидание длительного спада доходов вызовет сокращение потребления при одновременном росте сбережений на «черный день».

Важнейшим открытием последних десятилетий стало обнаружение существенного влияния фактора неопределенности будущих доходов на финансовое поведение домохозяйств: даже при незначительной неопределенности оно начинает заметно изменяться. Семьи в период низких доходов в этом случае предпочитают экономить на текущем потреблении, оставляя по возможности нетронутыми накопления. Таким образом, в условиях неопределенности будущих доходов тезис о сглаживании потребления не работает.

Выделенные классиками закономерности прослеживаются не везде, отчасти это связано с тем, что ряд влияющих на сберегательное поведение факторов по-разному проявляется в бедных и богатых обществах, в странах с сильной и слабой перераспределительной политикой и т.п. Обращалось внимание, что характер расходования денежных средств зависит от источников их получения и личности их получателя [Zelizer, 1997], что формирование сбережений в разных возрастных когортах подчиняется разным закономерностям [Deaton, Paxson, 1994].

Интерес к проблематике сберегательного поведения населения велик и среди российских специалистов. И хотя ими не предлагались альтернативные существовавшим концепции, рядом российских авторов (Е.М. Аврамова, И.В. Задорин, Д.Х. Ибрагимова, П.М. Козырева, О.Е. Кузина, В.В. Радаев, Я.М. Рощина, Д.О. Стребков, А.В. Ярашева и другие) было многое сделано для понимания специфики финансового поведения россиян. Так, уже Д.О. Стребковым были проанализированы факторы сберегательного и кредитного поведения россиян, а также выделены основные типы этого поведения по состоянию на конец 1990-х – начало 2000-х гг. [Стребков, 2001; 2004]. Позже, в 2010-е гг., внимание российских авторов было сконцентрировано на специфике финансового поведения отдельных социальных групп (см., напр.: [Каравай, 2015]); формировании финансовой грамотности населения [Кузина, 2015]; последствия кризиса 2008–2009 гг. для финансового поведения россиян [Козырева, 2012]. В 2020-х гг. начали предприниматься попытки оценить изменения финансового поведения россиян под влиянием событий последних лет [Кузина, 2021; Литвинова, 2020; Макар и др., 2022; Финансовая грамотность..., 2021].

Однако пока что эта работа только начинается, а последствия для финансового поведения россиян событий 2022–2023 гг. еще не стали предметом социологического анализа.

Нельзя не упомянуть, что проблематикой финансового поведения россиян активно занимаются также многие исследовательские центры, например НАФИ, ЦИРКОН и другие. Однако в фокусе их внимания, как и у посвященной сберегательной активности населения аналитической деятельности ЦБ РФ, в основном находятся вопросы, представляющие интерес для бизнеса, а не для понимания специфики социального поведения граждан.

Эмпирической базой проведенного анализа послужили исследования Института социологии ФНИСЦ РАН. Основным из них являлась 14 волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (далее – Мониторинг), проведенная в июне 2023 г. на общероссийской выборке методом анкетирования ($N = 2000$). Выборка репрезентирует население страны по федеральным округам, а внутри них – по типам поселений по месту жительства респондентов, их полу и возрасту. Для динамического анализа использовались также данные других волн Мониторинга за период 2014–2022 гг. (в 2014–2019 гг. $N = 4000$, в 2020–2022 гг. $N = 2000$) и тематических исследований ИС ФНИСЦ РАН за разные годы, но с едиными принципами построения выборки: «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., общероссийская выборка ($N = 2106$), репрезентировавшая население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию Росстата, а внутри них – по типам поселений по месту жительства, полу и возрасту); «Малообеспеченные в современной России» (март 2008 г., $N = 1750$); «Готова ли Россия к модернизации?» (март 2010 г., $N = 1750$) и «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (февраль 2014 г., $N = 1600$).

Использованы сравнительный, динамический, корреляционный (с использованием коэффициентов Спирмена и Пирсона) методы анализа, а также построение многомерных индексов и использование программы Chaid¹. Все данные, которые приводятся в статье, проверялись на наличие статистической значимости связей с использованием показателей хи-квадрата.

Динамика доходов и субъективного материального благополучия россиян в 2003–2023 гг. Одним из ключевых факторов сберегательного поведения населения является объективная динамика доходов и ее субъективное восприятие. Поэтому в качестве отправной точки нашего анализа отметим, что, согласно данным ИС ФНИСЦ РАН, медианные среднедушевые доходы в домохозяйствах представителей массовых слоев населения по стране в целом составляли в июне 2023 г. 24 тыс. руб. в месяц, т.е. были более чем в 1,5 раза выше, чем величина прожиточного минимума, официально установленного на 2023 г. (14375 руб., в т.ч. 15669 руб. для трудоспособного населения, составлявшего около трех четвертей выборки 14 волны Мониторинга, и 12363 руб. для пенсионеров)². Это означает что, хотя доходы массовых слоев населения страны традиционно являлись в тот момент достаточно скромными, но теоретическая возможность формирования сбережений была у большинства россиян. Среднедушевые доходы были несколько выше медианных и составляли 27187 руб.

Отметим, что показатели медианных и среднедушевых доходов в наших опросах традиционно заметно ниже, чем их оценивает Росстат, – согласно официальным статистическим данным, среднедушевые доходы населения составляли по состоянию на 1 квартал

¹Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) обычно применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь различных переменных, характеризующих сберегательное поведение, с более чем 500 переменными использованного массива данных 2023 г., включающими характеристики материального положения индивидов, их субъективного восприятия этого положения, занятости, состава домохозяйств, мировоззренческих особенностей, адаптационных стратегий и т.д.

²Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг.». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48642> (дата обращения: 05.08.2023).

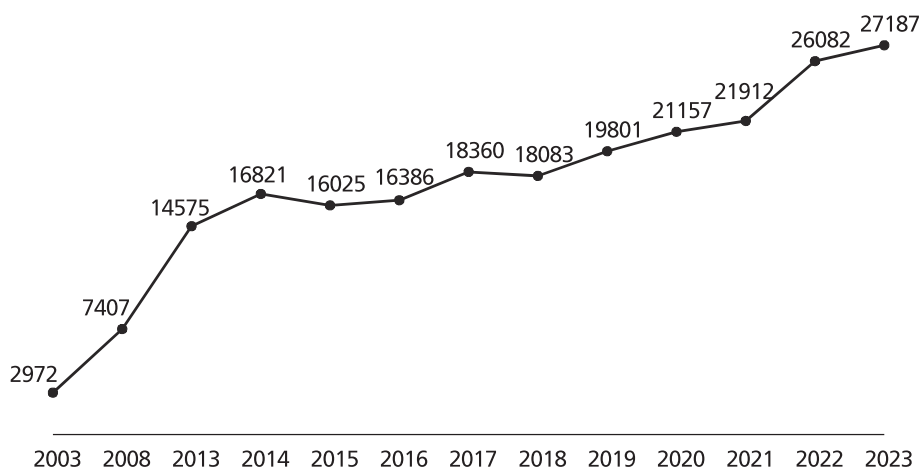

Рис. 1. Динамика среднедушевых доходов представителей массовых слоев населения в 2003–2023 гг., руб.

Источник: здесь и далее исследования ИС ФНИСЦ РАН, обозначенные ранее.

2023 г. 39652 руб.³, а медианные – 34806 руб.⁴ С одной стороны, такие расхождения связаны с методикой оценки доходов россиян в социологических опросах, предполагающей их прямую самооценку населением, в то время как в расчетах Росстата используется другая методика. С другой – причиной является характерное для нашей страны высокое доходное неравенство, при котором доходы не попадающих в выборки массовых опросов верхних 5%, а особенно верхнего 1%, в сотни раз выше медианных доходов.

Если посмотреть на динамику среднедушевых доходов, то с 2013 г. и до лета 2023 г. номинальные среднедушевые доходы россиян выросли, по данным опросов ИС ФНИСЦ РАН, почти вдвое (рис. 1). При этом за последние 20 лет они выросли почти в девять раз, хотя основной их рост пришелся на период до 2014 г.

Однако если перейти к динамике реальных доходов, т.е. учесть их покупательную способность, изменяющуюся под влиянием инфляции, то представленная выше картина существенно скорректируется. Так, изменение покупательской способности рубля за период с февраля 2014 г. по май 2023 г. включительно составило 89,77% (с марта 2003 г. – 500,95%)⁵. Таким образом, реальные доходы населения летом 2023 г. были либо на том же уровне, что и в 2014 г., либо несколько сократились – в зависимости от того, в частности, к какому доходному децилю принадлежал конкретный человек, поскольку разные децили характеризовались разной динамикой доходов в последние годы. Если в разделяющем относительно благополучную и депривированную части населения 3 дециле, например, рост номинальных доходов составил с 2014 г. всего 78%, то в получающем активную поддержку государства нижнем дециле – 100%. Если же сравнивать ситуацию с 2003 г., то реальные среднедушевые доходы представителей массовых слоев населения выросли за это время примерно вдвое, но в основном этот рост, как и у номинальных

³ Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (новая методология). Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.08.2023).

⁴ Медиана среднедушевого денежного дохода (медианный среднедушевой доход) по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.08.2023).

⁵ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2023 гг. Обновлено 08.09.2023. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 30.09.2023).

Рис. 2. Динамика самооценок изменения собственного материального положения, в 2014–2023 гг., в %

Примечание. Ответившие, что в их материальном положении за год ничего не изменилось или что оно в ближайший год не изменится, на рисунке не представлены.

доходов, пришелся на период до 2014 г. Тем не менее эти данные говорят о том, что возможности для формирования сбережений при наличии соответствующих установок у большинства населения страны весь этот период в любом случае были.

Однако поскольку для финансового поведения населения важно соотношение себя с референтными группами и стремление «жить не хуже других», то, оценивая ситуацию с доходами населения, нужно также учитывать, что для разных типов поселений характерны различный образ жизни и разная структура расходов. Соответственно, при анализе доходной стратификации целесообразнее ориентироваться на медиану доходов в определенных типах поселений, а не страновую медиану, и выделять при этом не менее четырех групп⁶: (1) имеющих не более 0,75 медианного уровня среднедушевых доходов в своем типе поселений (по состоянию на июнь 2023 г. численность этой группы, не способной вести обычный для их территориальных сообществ образ жизни, составляла, согласно нашим данным, 29,8% массовых слоев населения); (2) имеющих от 0,75 до 1,25 медианных доходов (эта задающая стандарт типичного для массовых слоев населения образа жизни группа насчитывала тогда 32,6%); (3) имеющих от 1,25 до 2 медиан доходов (численность этой в большинстве своем весьма благополучной группы составляла 28,2% представителей массовых слоев) и (4) имеющих среднедушевые доходы более 2 медиан для своих типов поселений (9,4%).

Если же говорить о самооценках россиянами динамики своего материального положения (как прошлой, так и предстоящей), то после начала экономического кризиса 2014–2016 гг. эти оценки заметно ухудшились, причем более резко, чем объективные показатели доходов. Так, если в феврале 2014 г. только 13,1% говорили о том, что ожидают ухудшения своего материального положения и 15,1% говорили о его ухудшении за прошедший год, то в 2023 г. таких было уже 20,4 и 32,9% соответственно (рис. 2).

⁶ Подробнее о традиции выделения групп при доходной стратификации см. [Модель..., 2018].

Итак, условия для сберегательной активности населения в период 2003–2023 гг. с точки зрения таких факторов, как размер среднедушевых доходов, динамика материального положения и ожидания изменений его на будущее, неоднократно менялись. При этом в 2014–2023 гг. объективная динамика доходов, восприятие их прошлой динамики и ожидания изменения своего материального положения в ближайшем будущем выглядели достаточно пессимистично. Однако весь рассматриваемый период у большинства россиян все же была возможность формировать сбережения при наличии для этого соответствующих установок.

Распространенность сберегательной активности населения и ее факторы. Сберегательная активность населения измеряется различными показателями. Однако для социологов важен прежде всего сам факт их наличия и то, воспринимают ли их как сбережения сами люди, т.е. с экономической точки зрения это не все их «запасы» или не «потоки» средств, но только такие «запасы», которые сознательно формируются ими как сбережения. Важно также понимать, насколько это крупные суммы с точки зрения возможности прожить на них в более-менее привычном для человека режиме существенный период времени в случае утраты всех привычных источников доходов, и почему люди формируют (или не формируют) эти сбережения. Именно такой подход в наибольшей степени помогает понять специфику «социальных действий» сберегательного характера у представителей разных групп.

В этом контексте важно, что большинство (51,7%) представителей массовых слоев населения страны имело в июне 2023 г. хотя бы какие-то средства, которые они рассматривали как свои сбережения. Однако наиболее массовой (24,8% всех россиян или почти половина имевших сбережения) в их составе была группа тех, у кого эти сбережения были невелики и не позволяли «продержаться» в случае потери обычных источников доходов хотя бы 2–3 месяца. В то же время 11,7% имели довольно крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года. Если же говорить о тех, кто в 2023 г. при потере всех источников доходов мог прожить на свои сбережения от 2 месяцев до года, то таких было 17,8%, причем по их поведенческим стратегиям, а также мировоззренческим и социально-психологическим особенностям они практически не отличались от группы имевших более крупные (в соотношении с их традиционными расходами) сбережения. Эта схожесть позволила объединить их при анализе факторов формирования относительно крупных и крупных сбережений в одну группу.

Роль факторов формирования мелких сбережений, а также наличия относительно крупных и крупных сбережений, которые могут выступать реальной «подушкой безопасности», проверялась сначала с помощью программы Chaid, а затем (в порядке дополнительной проверки) с помощью коэффициентов корреляции для тех переменных, которые продемонстрировали наибольшую значимость при регрессионном анализе. Как показал проведенный анализ, формирование мелких сбережений и наличие относительно крупных и крупных сбережений зависят в российских условиях от разных факторов.

Если говорить о мелких сбережениях, то их формирование носит в значительной степени случайный характер. В то же время факторы формирования сбережений, позволяющих прожить на них не менее 2 месяцев (включая те, которые позволяют прожить на них не менее года), выделились довольно четко (табл. 1).

Ярче всего прослеживалась связь наличия относительно крупных и крупных сбережений с такими субъективными характеристиками респондентов, как самооценки своей социальной и экономической успешности, а также дистанция горизонта планирования жизни, – они оказались намного более значимыми, чем размер и динамика доходов (как реальная, так и ожидаемая) (табл. 1). Что же касается высшего образования и профессионального статуса, то их менее значимая роль определялась во многом тем, что у представителей разных профессиональных групп и людей с высшим образованием или без него эти субъективные характеристики присутствовали в разной степени.

Таблица 1

Связь наличия относительно крупных и крупных сбережений с характеристиками респондентов, на основе коэффициента Спирмена, 2023 г.

Характеристики	Коэффициент Спирмена
Самооценки своего материального положения	0,259*
Самооценки того, насколько реализовались их жизненные планы	0,238*
Планируют собственную жизнь по крайней мере на год вперед	0,199*
Заработная плата относительно поселенческой медианы зарплат	0,191*
Оценки динамики материального положения за последний год	0,187*
Профессиональный статус	0,186*
Среднедушевой ежемесячный доход в домохозяйстве по отношению к поселенческой медиане	0,140*
Наличие высшего образования	0,123*
Оценка динамики своего материального положения на ближайший год	0,102*
Возраст ⁷	0,066*

Примечание. * Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Полученные данные говорят о большей значимости для сберегательной активности россиян на микроуровне прежде всего субъективных факторов социального и социально-психологического, а не экономического характера. Причем это не только уже упоминавшиеся в литературе ожидания изменения своего положения в будущем, но и такие, на которые в литературе пока не обращалось должного внимания, в частности самооценки степени своей успешности и горизонт планирования.

Эти же факторы оказались качественно дифференцирующими группы имеющих и не имеющих относительно крупные и крупные сбережения, с одной стороны, и не имеющих их – с другой, при сравнительном анализе специфики «социальных портретов» данных групп (табл. 2).

Влияние субъективного восприятия своего материального положения также было достаточно сильным, но проявлялось оно только для полярных групп. Что же касается уровня среднедушевых доходов в домохозяйстве, как и динамики этих доходов, то эти факторы были значимы скорее для размера выступающих «подушкой безопасности» сбережений, а не их наличия – во всяком случае, судя по доходной структуре групп с разным размером сбережений (рис. 3). При этом доходные структуры групп, имеющих мелкие сбережения и вообще не имеющих сбережений, были практически идентичны. Важно отметить и то, что хотя люди, имеющие крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года, были сосредоточены в июне 2023 г. в основном в двух верхних доходных группах (52,5% из них имели среднедушевые доходы в своих домохозяйствах более 1,25 медианных доходов для своего типа поселения), однако, если сравнивать с периодом начала СВО, доля высокодоходных россиян в составе всех имевших столь крупные сбережения снизилась в полтора раза – в марте 2022 г. они составляли почти три четверти данной группы. Это означает, что под влиянием геополитических рисков в составе далеко не самых благополучных в отношении уровня доходов слоев населения заметно выросло число формирующих крупные сбережения, причем произошло это в первую очередь за счет характеризовавшихся наличием относительно длительного горизонта планирования и ощущением своей социальной и экономической успешности. В итоге,

⁷ Низкие показатели связи наличия относительно крупных и крупных сбережений с фактором возраста объяснялись нелинейным характером этой связи, на чем мы остановимся ниже. Тем не менее, несмотря на более низкие показатели коэффициента Спирмена для фактора возраста, чем для ряда других факторов, мы включили эту переменную в таблицу, учитывая ту роль, которая традиционно отводится возрасту в исследованиях финансового поведения.

Таблица 2

Некоторые особенности группы имеющих крупные или относительно крупные сбережения на фоне остальных россиян, 2023 г., в %

Характеристики	Имели сбережения, позволяющие прожить на них 2 месяца и более	Не имели таких сбережений
<i>Самооценки своего материального положения</i>		
Хорошо	32,3	14,9
Удовлетворительно	64,6	65,3
Плохо	3,1	19,8
<i>Самооценки степени самореализации</i>		
Добились всего или практически всего, на что были способны	61,7	33,8
Добились значительно меньше того, на что были способны	21,3	42,6
Рано подводить итоги, еще добьются того, чего пока не удалось	17,0	23,6
<i>Горизонт планирования</i>		
Планируют свою жизнь не менее чем на год вперед	57,8	36,3
Считают, что жизнь невозможно планировать даже на год вперед	42,2	63,7
<i>Среднедушевые ежемесячные доходы по отношению к поселенческой медиане</i>		
От 2 медиан и выше	14,1	7,5
От 1,25 до 2 медиан	34,0	25,7
От 0,75 до 1,25 медиан	28,3	34,4
До 0,75 медианы	23,6	32,4
<i>Динамика материального положения за последний год</i>		
Улучшилось	23,3	11,8
Осталось неизменным	55,3	50,6
Ухудшилось	21,4	37,6
<i>Ожидаемая динамика своего материального положения на ближайший год</i>		
Улучшится	34,2	26,9
Останется неизменным	51,3	50,1
Ухудшится	14,5	22,9

Примечание. Данные, приведенные в этой и следующих таблицах, статистически значимы на уровне α не более 0,05. Темным фоном выделены показатели, разрыв по которым между группами имеет качественный характер. Светлым фоном выделены показатели, различающиеся в сравниваемых группах в 2 и более раз. Жирным шрифтом выделены показатели, превышающие показатели в альтернативной группе не менее чем в 1,5 раза.

даже в составе группы имеющих крупные сбережения, каждый пятый стал относиться в июне 2023 г. к низкодходным слоям населения. Одновременно даже в группе с доходами свыше 2 поселенческих медиан свыше трети (37,1%) не имели в тот момент никаких сбережений. Это еще раз подтверждает значимость наличия сберегательных установок для соответствующей активности.

О роли сберегательных установок говорит и связь наличия сбережений с возрастом, хотя она и проявляется в российских условиях иначе, чем предполагают классические теории. Так, максимальной доля имевших какие бы то ни было сбережения (62,3%) была летом 2023 г. среди россиян старше 65 лет, как и доля имевших относительно крупные и крупные сбережения (36,3%) (табл. 3). При этом в предпенсионном или раннем пенсионном возрасте, когда эти сбережения в случае их накопления к моменту выхода на пенсию могли в соответствии с концепцией жизненного цикла еще сохраниться, соответствующие

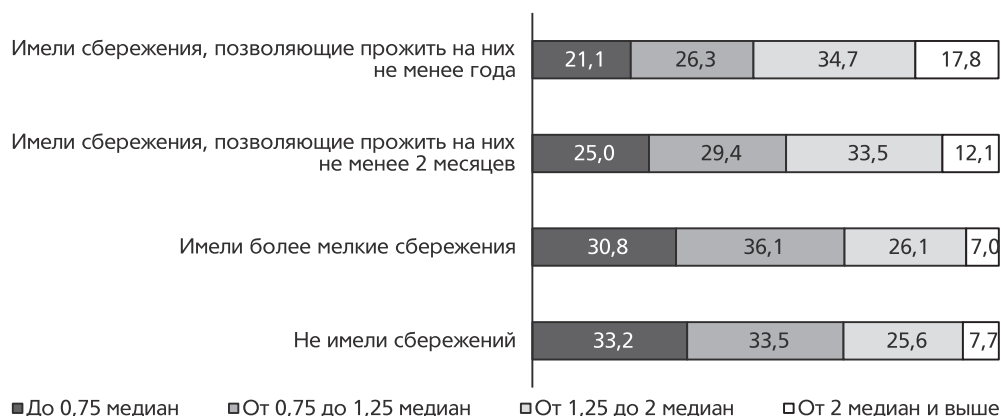

Рис. 3. Доходная структура групп с разным размером сбережений, 2023 г., в %

показатели были хотя и ненамного, но все же меньше. Таким образом, для россиян старше 50 лет характерен не столько страх перед прогнозируемым падением доходов при выходе на пенсию, хотя он, естественно, у них присутствует, сколько страх перед неопределенностью будущего при неспособности повлиять на ситуацию в силу возрастной беспомощности. Конечно, можно было бы предположить, что накопления в группе старше 65 лет – это так называемые «гробовые», а не страховые накопления, но размер их для такого рода целей в основном либо слишком мал, либо слишком велик, зато четко коррелирует со среднедушевыми доходами.

Страх перед неопределенностью будущего при невозможности на него повлиять (в той или иной степени ощущавшийся в июне 2023 г. 78,7% россиян) очень заметно сказывался не только на распространенности установки на формирование сбережений у самых пожилых россиян. Очень заметно влиял он и на остальное население в случае, если речь шла о масштабных геополитических рисках, а не просто экономических кризисах, к которым граждане страны уже отчасти адаптировались. Так, если говорить о сберегательной активности россиян в длительной исторической перспективе (рис. 4), то видно, что чисто экономические проблемы макроуровня (например, экономический кризис 2008–2009 гг., явившийся следствием мирового, или кризис 2020 г., ставший следствием локдаунов в ходе пандемии коронавируса) воспринимались россиянами как временные явления и для нейтрализации их негативных последствий они использовали в ходе таких кризисов свои сбережения, хотя процесс этот имел достаточно ограниченный характер. В то

Таблица 3

Наличие сбережений у представителей разных возрастных групп, 2023 г., в %

Наличие сбережений	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше
Имели сбережения, позволяющие прожить на них не менее года	14,4	6,4	7,1	11,0	10,8	15,5	14,0
Имели сбережения, позволяющие прожить на них 2 месяца и более	14,4	17,6	17,0	16,7	17,8	17,3	22,3
Имели более мелкие сбережения	24,5	32,8	16,5	24,1	23,4	29,2	26,0
Не имели сбережений	46,7	43,2	59,4	48,2	48,0	38,0	37,7

Рис. 4. Доля имеющих сбережения, в том числе позволяющие прожить на них при утрате текущих видов доходов не менее года, в массовых слоях населения, в динамике за 2003–2023 гг., в %

Примечание. Вопрос о наличии любых по размеру сбережений в 2010 г. в инструментарию опроса отсутствовал.

же время кризисы, связанные не столько с экономическими, сколько с геополитическими проблемами, т.е. усиливающие неопределенность будущего на длительное время, причем не только экономическую, вызывали рост сберегательной активности россиян вообще и прирост доли имеющих крупные сбережения в частности. Более того – чем выше была такая неопределенность, тем большую сберегательную активность проявляли россияне, о чем говорят различия в масштабе их реакции на последствия обострения отношений с Западом в 2014 и в 2022 гг. Однако проявляют соответствующую активность все же далеко не все, и будет ли она проявляться, зависит прежде всего от тех факторов микроуровня, о которых шла речь выше.

Если же говорить не о факторах сберегательной активности, а о ее распространенности, то, как видно из данных на рис. 4, доля имеющих хотя бы какие-то сбережения, как и доля имеющих крупные сбережения, выросла за последние 20 лет более чем в два раза. Этот рост происходил в условиях сильных колебаний не только реальных доходов населения, но и субъективных оценок своего материального положения, особенно ожиданий его ухудшения. Такие ожидания предопределили на фоне обострения отношений с Западом после начала СВО рост стремления иметь хотя бы какие-то сбережения, рассматриваемые как запас «на черный день»⁸, что привело к двукратному росту распространенности последних в сравнении с 2021 г. (54,3% против 25,7%). В то же время крупные сбережения в составе массовых слоев формируются относительно медленно даже при бурном росте сберегательной активности (ср. рис. 2 и 4) и зависят не только от установок населения, но и от его доходов, поэтому доля имеющих крупные сбережения выросла за это время менее чем в 1,5 раза. Однако, учитывая фактическую стагнацию доходов населения в это время, такой рост также можно оценивать как очень значительный.

Таким образом, динамика сберегательной активности россиян говорит не только о рационализации их сберегательных стратегий в сложившихся после начала СВО

⁸Однако, с учетом падения распространенности негативных ожиданий в 2023 г., можно предположить снижение темпов роста сберегательной активности россиян в ближайшее время. Впрочем, вряд ли она сократится в абсолютном выражении, поскольку негативный геополитический фон и вызванная им неопределенность продолжают сохраняться.

условиях, но и позволяет лучше понять сравнительную значимость при формировании сбережений тех или иных факторов макро- и микроуровней. Демонстрирует она и особую роль среди них факторов нематериального характера (страха перед неопределенностью будущего – в отношении факторов макроуровня и способности планировать свою жизнь или стремления сохранить возможность чувствовать себя экономически и социально успешным – на микроуровне).

Выводы. За последние десятилетия, под влиянием кризисов и внешних шоков разной природы, доходы россиян претерпевали определенные колебания. Однако в целом можно говорить о том, что к лету 2023 г., в сравнении с началом нового этапа в жизни нашей страны после воссоединения России и Крыма и вызванного им усиления конфронтации с Западом, они находились примерно на том же уровне, что и в кризисные 2014–2015 гг., хотя и выросли по отношению к 2003 г. примерно вдвое.

Стагнация реальных доходов на протяжении последнего десятилетия не привела к сокращению числа россиян, имеющих сбережения, в том числе крупные. Напротив, как доля представителей массовых слоев, имеющих любые сбережения, так и доля имеющих сбережения, позволяющие, по их собственным оценкам, прожить на них не менее года, выросли с начала 2014 г. почти вдвое, а за последние 20 лет – более чем вдвое. С учетом динамики ситуации с реальными доходами это означает распространение установки на создание резерва «на черный день» на фоне общего роста неопределенности будущего за это время. Однако краткосрочные тенденции сберегательной активности россиян за два последних десятилетия при этом неоднократно менялись.

Если говорить о факторах выбора финансовых стратегий, то они имеют разноуровневый характер, обуславливающий при их сочетании сложность и неоднозначность сберегательных стратегий представителей массовых слоев. С одной стороны, заметное влияние на сберегательное поведение населения оказывают факторы макроуровня. При этом если речь идет о кризисах чисто экономической природы, которые воспринимаются россиянами как временные явления, то они не оказывают на сберегательную активность стимулирующего влияния – наоборот, можно говорить о частичном использовании населением в ходе них своих сбережений для нейтрализации их негативных последствий. Однако кризисы, усиливающие неопределенность средне- и долгосрочного будущего в силу их обусловленности геополитическими проблемами, вызывают рост сберегательной активности россиян, и чем выше эта неопределенность, тем большую сберегательную активность они проявляют.

С другой стороны, на сберегательную активность россиян действуют факторы микроуровня, в силу чего на одни и те же изменения внешних условий разные люди реагируют по-разному. Будет ли проявляться сберегательная активность конкретным человеком, зависит прежде всего от того, какой у него горизонт планирования, а также ощущает ли он себя благополучным в экономическом и социальном отношении и хочет ли он продолжать ощущать себя таковым в непредсказуемом будущем, даже если это требует от него в данный момент определенных жертв и усилий. При этом уровень доходов оказывает более значимое влияние на размер имеющихся у него сбережений, чем на их наличие.

Эмпирические данные свидетельствуют также о том, что в России подтверждаются как установленные ранее в ходе изучения финансового поведения населения закономерности, так и те, на которые прежде не обращалось должного внимания. Так, подтверждается идея Дж. Кейнса (Keynes, 1936) о роли уровня и динамики доходов, но она оказывается в большей мере верна для размера сбережений, чем для их наличия. Отчасти подтверждается и идея Дж. Дьюзенберри о значимости такой стратегической цели, как жить не хуже, чем раньше (Duesenberry, 1949), в результате чего в ходе экономических кризисов часть сбережений россиянами тратится, но процесс этот имеет очень ограниченный характер. Практически не работает в условиях России концепция жизненных циклов Ф. Модильяни (Modigliani, Ando, 1963) – доходы россиян не столь велики, чтобы перераспределять их между разными этапами жизненного цикла. В то же время его идея о формировании страховых сбережений «на черный день» оказывается очень значима.

Лучше описывают ситуацию с этими стратегиями современные теории финансового поведения населения, учитывающие фактор неопределенности. Так, например, подтвердились идеи Дж. Катона о том, что при ситуационном снижении доходов индивиды будут стремиться сохранить привычный уровень жизни, в том числе за счет кредитов, но ожидание длительного их спада вызовет сокращение потребления при одновременном росте сбережений на «черный день».

Однако главное, что показал проведенный нами анализ, это не просто уточнение особенностей проявления в российских условиях закономерностей сберегательного поведения, выявленных ранее, а установление двух имеющих принципиальное значение новых фактов. Это, во-первых, роль для сберегательной активности населения характера тех внешних шоков, с которыми оно сталкивается в своей повседневной жизни (причем неэкономические шоки с длительной временной перспективой имеют большее значение, чем экономические), а во-вторых, значимость для этой активности таких нематериальных факторов, как горизонт планирования и убежденность в своей экономической и социальной успешности. Кроме того, этот анализ продемонстрировал, что россияне отнеслись к СВО как серьезному и потенциально видоизменяющему всю привычную для них жизнь фактору, который они массово начали учитывать в своих поведенческих стратегиях. Судя по сберегательному поведению, население страны готовится к тяжелым и длительным испытаниям. Это еще раз продемонстрировало значимость сберегательного поведения как одного из важнейших маркеров реального состояния общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каравай А.В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2(125). С. 83–95.
- Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66.
- Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты применения в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129–148.
- Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Стратегии финансового поведения россиян: понятие, динамика, факторы // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88.
- Литвинова В.В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. С. 230–237.
- Макар С.В., Ярашева А.В., Марков Д.И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 3. С. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Стребков Д.О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 109–128.
- Стребков Д.О. Трансформация сберегательных стратегий населения России // Вопросы экономики. 2001. № 10. С. 97–111.
- Финансовая грамотность и финансовое просвещение населения: атлас российских практик / Отв. ред. Н.В. Аликлерова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Deaton A., Paxson C. Saving, Aging and Growth in Taiwan // Studies in the Economics of Aging / Ed. by D. Wise. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Katona G. Psychological economics. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1975.
- Zelizer V.A. The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Статья поступила: 07.08.23. Финальная версия: 08.10.23. Принята к публикации: 17.10.23.

SAVINGS ACTIVITY OF RUSSIANS: DYNAMICS AND FACTORS

TIKHONOVA N.E.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; HSE University, Russia**Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor-researcher, HSE University, Moscow, Russia (netichon@rambler.ru).*

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the RNF project № 20-18-00505.

Abstract. Based on the data of a number of all-Russian studies of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, the article characterizes saving behavior factors of Russians and the dynamics of its change in 2003–2023. Some classical concepts explaining the savings behavior of the population are tested in relation to Russian conditions. It is demonstrated that their conclusions are only partially justified in the Russian society. It is shown, in particular, that representatives of mass strata of the population reacted to successive external shocks of different nature in recent years depending on the nature of these shocks, and not only on their severity or expected duration: to crises of purely economic nature, in accordance with the classical postulates, Russians responded by striving to maintain their usual level of consumption at the expense of savings, while in case of adding geopolitical risks and increasing uncertainty of the future, the prevalence of savings was increased. If for small savings no micro-level factors have been identified to have significant impact on their availability, then in the formation of savings that allow you to live on them for at least two months, subjective factors play a key role, in particular, readiness for long-term planning of one's life, as well as a sense of respective economic and social success. At the same time, economic factors, though important, play a noticeably lesser role, affecting mainly amounts of savings.

Keywords: savings behavior of the population, savings activity, savings strategies, financial behavior, financial strategies, income of the population, financial situation of Russians.

REFERENCES

- Deaton A., Paxson C. (1994) Saving, Aging and Growth in Taiwan. In: *Studies in the Economics of Aging*. Ed. by D. Wise. Chicago: The University of Chicago Press.
- Financial literacy and financial education of the population: an atlas of Russian practices.* (2021). Ed. by N.V. Alikperova. Moscow: FNIISZ RAN. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2015) Russian workers: financial behavior and attitudes. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 2(125): 83–95. (In Russ.)
- Katona G. (1975) *Psychological economics*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Kozyreva P.M. (2012) Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (sociological analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 54–66. (In Russ.)
- Kuzina O.E. (2015) Financial literacy and financial competence: definition, measurement methods and results of application in Russia. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 8: 129–148. (In Russ.)
- Kuzina O.E., Moiseeva D.V. (2021) Strategies of financial behavior of Russians: Concept, dynamics, factors. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 10: 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88. (In Russ.)
- Litvinova V.V. (2020) Financial behavior of a person and factors determining it. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. No. 1(17): 230–237. (In Russ.)
- Makar S.V., Yarasheva A.V., Markov D.I. (2022) Financial behavior as a result of the interaction of people in the socio-economic space. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 26. No. 3: 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168. (In Russ.)
- Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons.* (2018) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Nestor-History. (In Russ.)
- Strebkov D.O. (2001) Transformation of saving strategies of the Russian population. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 10: 97–111. (In Russ.)
- Strebkov D.O. (2004) Main types and factors of credit behavior of the population in modern Russia. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 2: 109–128. (In Russ.)
- Zelizer V.A. (1997) *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*. Princeton: Princeton University Press.

Received: 07.08.23. Final version: 08.10.23. Accepted: 17.10.23.